

09.01.2012, 04:17 Москва

свой опыт

Как шестирукий Шива

Илья Яшин рассказывает о задержании 5 декабря 2011 года, суде и спецприемнике, а также о том, что было после выхода из спецприемника.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

5 декабря

Сцепившись локтями, мы прижимались к стене углового дома на Театральном проезде. Еще полтора часа назад нас было почти десять тысяч на Чистых прудах. Минут тридцать назад нас было около тысячи, и мы продирались

через омовские ряды на Кузнецком Мосту. И вот нас — сотня. Вокруг — армия полицейских, автозаки, железные щиты, шлемы и дубинки. До Центризбиркома — метров пятьсот, но пройти туда уже невозможно. Фальсификаторов хорошо охраняют.

В автозаке тесно, но весело. Двадцать пять молодых парней сидят друг у друга на головах и фотографируются на память. Телефоны пока еще не отобрали.

ОВД «Северное Измайлово». Какого черта так далеко от центра? Кому-то сообщают, что задержанных — больше трехсот. Центральный округ не справляется, демонстрантов развозят по участкам в спальные районы. Адвокатов не пускают. Всех оформляют по «арестной» статье 19.3 («неповиновение полиции»).

Нас с Навальным отделяют от общей группы и разводят по разным комнатам. Обыскивают, отбирают личные вещи. «Получите уголовный срок за провоцирование беспорядков», — угрожает опер. «Беспорядки „Единая Россия“ и Чуров провоцируют», — отвечаю.

Неожиданно двое амбалов в форме выкручивают мне руки и буквально бегом прогоняют через все отделение. У черного входа припаркован микроавтобус без опознавательных знаков. Запихивают. За рулем — мужчина в черной маске спецназовца. Ничего не объясняют.

Летим по ночной Москве в сторону области. Водитель в маске игнорирует правила и легко обгоняет машины по встречке. Куда везут — непонятно. Проезжаем МКАД и несемся по Щелковскому. «В лес, что ли, везут?» — вглядываюсь в темноту.

Паркуемся у ОВД поселка Восточный. Заводят. Навальный уже здесь: мирно беседует с сотрудниками Центра «Э» (по противодействию экстремизму), рассказывает им про коррупцию в «Газпроме». Продлилось это, впрочем, недолго. Оформлять в «Восточном» нас категорически отказались. Снова в машину.

ОВД «Китай-город» наконец. Обезьянник. Узкие деревянные лавки, железная клетка. 6,5 часов нас катали по городу, так и не ознакомив с материалами дела, так и не пустив адвоката. С улицы слышно: «Свободу политзаключенным». Небольшой стихийный митинг продолжается под окнами ОВД всю ночь. Нам кое-как удается поспать пару часов. Наутро суд.

6 декабря

Меня забирают из клетки первым. Привозят в мировой суд на Ильинке, буквально в соседнем здании с Центризбиркомом. «Пустите передать привет Чурову», — пытаюсь разговорить мрачных конвоиров. Бесплезно — каменные лица.

В коридоре суда десятки людей: сторонники, друзья, журналисты. Успеваю на ходу поцеловать подругу — и тут же толчок в спину. «Быстрее, не задерживаемся».

Только в зале суда мне и адвокату (его наконец пропустили) дают возможность ознакомиться с делом. Спустя 15 часов после задержания — грубое нарушение! Появляется судья: известная своей неприязнью к оппозиционерам Ольга Боровкова. Именно она отправила нас с Немцовым встречать прошлый Новый год за решетку. На ее счету уже десятки политических решений. Нашистка в мантии.

Все как обычно: Боровкова отклоняет (не читая даже!) почти все наши ходатайства. Отказывается приобщать видеозапись. Игнорирует, что рапорты якобы задержавших меня полицейских написаны под копирку. Допрос полицейских напоминает анекдот. Они утверждают, что держали меня за руки, но я умудрился этими же руками одновременно махать и толкать их в грудь. «Это были разные руки, — юморит адвокат. — Яшин как шестирукий Шива». Судья, однако, в показаниях лжесвидетелей не видит ничего смешного: ей они кажутся «последовательными и убедительными».

Судья удаляется для принятия решения. Через пару минут из ее кабинета выходит разъяренный пристав и начинает орать на журналистов: «Прекратите онлайн-трансляцию из зала суда».

Боровкова появляется в зале. 15 суток. Никаких сюрпризов.

Еще несколько часов ожидания в клетке ОВД, пока судят Навального. Приводят наконец. Те же 15 суток.

7 декабря

Короткая ночь в спецприемнике: наутро апелляция в Тверском суде. В седьмом часу утра нас с Навальным заталкивают в «стакан» полицейской «газели». Сидим как в карцере: темнота, холодно, пространство 1,5×1 метр.

Меня ведут в суд первым. Выхожу из машины и с удовольствием вдыхаю свежий морозный воздух. На запястьях щелкают наручники. Это еще зачем? Так положено.

Судья Криворучко. Еще один «герой правосудия», фигурант «списка Магнитского». По отработанной уже схеме отклоняет практически все наши ходатайства. Не хочет смотреть видео и вызывать полицейских. Слушает адвокатов и меня со скучающим видом.

Оживился Криворучко лишь однажды: когда я заявил ему отвод, упомянув среди прочих оснований присутствие его фамилии в «списке Магнитского». «У меня поправка, — раздраженно перебил он меня. — Правильно говорить: список сенатора Кардина».

15 суток — приговор остается в силе. Спустя пять часов такое же решение судья принимает по Навальному. «Газель» трогается от здания суда. Снаружи десятки людей скандируют: «Свободу!»

8 декабря

Навального определили в камеру № 5, где я встречал Новый год. Там в этот момент сидел националист

Боровиков и десяток гастарбайтеров из Средней Азии. Навальный не раз ходил на «Русский марш» — наверное, решили его таким образом повоспитывать. Конфликтов, впрочем, никаких не случилось.

Я «заехал» в камеру № 6. «Ну че, политический?» — улыбнулся мне коренастый мужичок по имени Леха. Я кивнул. Он подмигнул и указал мне на хорошую шконку (так тут называют койку).

Леха тут вроде как за старшего. Родом из деревни в Ивановской области. Среднерусский говор, веселый матерок в речи. Половина челюсти — золотые зубы. Попался за езду без прав.

Леха отсидел за убийство. У них в деревне жил какой-то отморозок, который напивался и жестоко всех бил. Однажды он сломал руку Лехиному другу детства. Тот взял ружье, пришел к обидчику домой и выстрелом снес ему полчерепа.

«Про меня даже в газетах писали», — гордо скалится. «Не жалеешь, что убил?» — спрашиваю. «Нет. Был бы он щас жив, я бы его снова завалил».

9 декабря

За год в спецприемнике мало что изменилось. Те же грязные обшарпанные стены. Двухъярусные раздолбанные койки. Выедающий глаза сигаретный смог. Загаженная вонючая дыра в углу вместо унитаза. Армия тараканов. В общем, жить можно.

Второй день завозят политических. В общей сложности из почти тысячи задержанных на митинге оппозиции в спецприемник № 1 отправили 78 человек. Сроки — от 5 до 15 суток. Остальные отделались штрафами.

Многие оппозиционеры были вынуждены все это время ночевать в обезьянниках. Мест не хватало: спали по очереди или прямо на бетонном полу. В спецприемнике тоже оказались не готовы к такому наплыву политических: многим не хватает постельного белья, спешно ставят дополнительные койки.

10 декабря

Этого дня ждали мы все: в Москве должен состояться крупный митинг оппозиции. Результат превзошел самые смелые наши ожидания: тысяч 80 как минимум вышло на Болотную площадь. И еще десятки тысяч — в крупнейших городах по всей России. Запахло большими переменами. Стало ясно: сидим не зря.

В знак солидарности с митингующими мы объявили коллективную забастовку: отказались вставать на утреннюю перекличку, раз в час во всех камерах начинали скандировать «Свободу!» и «Россия без Путина».

Сотрудники изолятора заметно нервничали весь день. К зданию подогнали полицейское усиление и ОМОН. И наравне с арестантами сотрудники весь день слушали «Эхо Москвы».

Возвращаясь в камеру после встречи с адвокатом, обнаружил в коридоре троих полицейских,

сосредоточенно склонившихся над радиоприемником.

«Господа полицейские!» — официально обратился я к ним. Все трое подняли глаза. «Именем революции предлагаю вам сдать оружие и выдать мне ключи от камер», — предложил я. Пауза продолжалась секунд 10. Полицейские пытались понять, шучу я или всерьез. «Да нет у нас оружия, — сказал наконец офицер. — Только дубинки».

11 декабря

В нашу «хату» определили нового сокамерника. Выглядит жутковато: мутные полуприкрытые глаза, чернозубый прогнивший рот. Героиновый наркоман со стажем: кажется, до сих пор под кайфом.

Представился наркоман Ильей. Кроме своего имени мало что помнит. Не знает, за что посадили. Думает, что это не изолятор, а больница, и просит пижаму. Зачем-то все время поджигает пластиковые бутылки. Но совершенно не агрессивен — напротив, через слово извиняется.

Поговорили. Едва не сел за изнасилование в прошлом году. Говорит, что «девочка сама дала», но на следующий день отнесла заявление в милицию. Откупился в итоге: брат продал машину, девочка за деньги забрала заявление.

— На что живешь?

— Лопатники щипаю. Ни разу еще не брали!

— Воруешь?

— Могу и убить.

— Ну вот меня бы убил?

— Тебя? Легко. — улыбается своим черным ртом.

И непонятно, шутит или всерьез.

Вечером у Ильи началась ломка. Сначала тихо плакал у себя в углу, потом засуетился. Когда наркоман скрутил полотенце и начал примеряться к решетке, чтобы удавиться, мы принялись колотить в дверь. Сотрудники изолятора нашли у него предсмертную записку. Через пару часов парня увезли в психиатрическую клинику.

12 декабря

День Конституции администрация спецприемника отметила шмоном — тотальным обыском в камерах. Искали мобильный телефон, который один из арестованных оппозиционеров умудрился пронести в камеру, перехитрив охрану. С помощью мобильника мы успели дать несколько интервью из-за решетки и даже выложили фото в интернет. Начальство ГУВД, говорят, было в бешенстве.

Шмонать приехали оперативники из Центра «Э». Один из них — аж в чине подполковника. Откормленные лощеные кабанчики. Стильная брендовая одежда. Медицинские резиновые перчатки на руках.

Методичное выворачивание карманов, вытряхивание пакетов, обыск матрасов, обуви, тумбочек. Радио на окне что-то мелодично пиликало. И вдруг из динамиков Шевчук: «Чер-р-рные фары у соседних ворот: лютики, наручники, порванный рот».

Оперативники так ничего и не нашли. Охранники рассказали, что перед отъездом громко и с матюками они

отчитывали руководство спецприемника — «за раздолбайство».

13 декабря

Снова удалось перехитрить администрацию. Дело в том, что свидания для административно задержанных не предусмотрены. Близкие и друзья могут только оставить вам передачу в дежурной части. Но сохраненный при обыске телефон и немного везения помогают решить и эту проблему.

Приходит СМС от подруги: «Я здесь». Начинаю долбить в дверь, открывает охранник.

— Чего?

— Мне срочно в дежурку надо.

— Зачем?!

— Нет времени объяснять. Это очень важно.

После истории с наркоманом-самоубийцей охранник предпочитает не спорить.

Длинный коридор, щелкает замок металлической двери — и я впервые после суда обнимаю подругу. Озадаченный дежурный смотрит на конвоира: «Ты нахрена его привел?!»

Охранник разводит руками: «Он сказал, что важно». Дежурный очень зол: «Что же ты как ребенок-то, а?»

В прогулочном дворике через окно-решетку видел Сергея Удальцова. Ему дали очередные 15 суток, и он снова на сухой голодовке. Перекинулись парой фраз, попросил его беречь себя. Это очень мужественный человек.

14 декабря

Снова протестуем. В камере Навального и Верзилова политические вывесили в окно плакат, сделанный из простыни: «Судья Москаленко служит сатане». Эта судья отправила за решетку примерно треть из нас, причем на рассмотрение каждого дела тратила около трех минут.

Мы с сокамерниками устроили акцию протеста во время обеда. Распахнув окно столовой, вывесили на решетку простыню со словами «15 суток свободы». На улице бегали с воплями омоновцы и фотографировал Илья Варламов.

Чернила в камере надо делать так. Выдавливаете в стакан зубную пасту. Сцеживаете чернила из шариковой ручки. Перемешиваете и получите что-то вроде гуашевой краски.

Девчонки из арт-группы «Война» устроили для нас шоу. Забрались на стену, окружающую изолятор, начали играть на гитарах и петь революционные песни. На колючей проволоке повесили плакат «Свободу протесту». Все это продолжалось минут 10, но омоновцы так и не успели никого задержать.

15 декабря

Администрация спецприемника ожидаемо ответила на наши протесты новыми обысками. Несложно было догадаться, что мы координируем свои действия с товарищами на воле. Снова начались поиски телефона.

На этот раз шмон поручили бойцам ОМОНа. Здоровые амбалы в синем камуфляже и тяжелых военных ботинках со злостью расшвыривали по камере матрасы и наши вещи. Одному из них пришло в голову проверить

вентиляцию, где был обнаружен зарядник (в другом месте, правда, был спрятан запасной). Поиски телефона усилились, но результата не дали.

— Я знаю, что у вас тут спрятана мобила. Я спрашиваю: где?! — навис надо мной омоновец.

— В мусорном ведре поройся. В мусоре вы еще не порылись, — нахамил я в ответ.

Было видно, что старлей очень хочет меня ударить. Но сдержался, ограничившись матерной тирадой.

К вечеру на свободу вышло много политических; около трех десятков человек, которые получили 10 суток ареста. Видимо, много народу пришло встречать их к спецприемнику. Судя по возгласам и скандированиям, доносившимся с улицы, встреча превратилась в стихийный митинг.

16 декабря

Администрация начала нам мелко мстить за припрятанный телефон и акции протеста. Например, отказались передавать в камеры свежий выпуск «Новой газеты», принесенный нашими товарищами. Полицейские посчитали, что в «Новой» содержатся материалы порнографического содержания. Это они про коллаж Путина с презервативом, если кто не догадался.

В нашу камеру по очереди «заехали» два наркомана. Парни быстро нашли друг друга и замучили сокамерников разговорами о том, кто чем «бахался», кто и как готовит винт и прочие препараты. Один отсидел почти десять лет: хранение наркотиков, кража. Второй сейчас проходит по уголовному делу за кражу: пытался вынести

из супермаркета тюбик зубной пасты и шоколадку. Под административный арест оба попали за вождение без прав.

К ночи наши наркоманы начали разглядывать друг у друга вены. На руках и ногах обоих нет живого места. Сплошные синяки.

— А ты в член колол?

— Да, но не советую. Там нервов много.

— И чего?

— Ну я себе засадил иглу прямо в нерв. До потолка подпрыгнул.

17 декабря

Новый сокамерник: Славик. Много сидел, все тело испещрено тюремными наколками. Три срока: мошенничество, вымогательство, похищение человека. Освободился в июле и с тех пор уже четвертый раз оказывается под административным арестом. Каждый раз напивается и устраивает дебош в районном магазине. То бутылку разобьет, то с охранником подерется, то с кассиршей сцепится.

— Зачем ты пьешь, Славик?

— Понимаешь... Дефицит общения у меня.

— В смысле?

— Ну скучаю, блин.

Славик развлекает всю камеру тюремными байками. Рассказывает, как добывал в медсанчасти таблетки для ВИЧ-инфицированных сокамерников. Как сцепился в «хате» с грузинами. Как дружил со смотрящим. Не желаю ему этого, но мне кажется, Славик снова вернется в тюрьму.

18 декабря

Еще один сокамерник — сухой тощий дед. Почти все время молчит. Только курит и улыбается беззубым ртом. Разговорился только на третий день: выяснилось, что работал ликвидатором на Чернобыльской АЭС. А вот за что посадили, так до конца и не выяснилось. Вроде попался пьяным на глаза участковому, и тот его закрыл на семь суток. Никто так и не узнал, как его зовут. Все говорили просто: Дед.

19 декабря

После этого и до выхода из спецприемника я не вел дневник.

КЛОУНЫ В ПОГОНАХ (ОТ 21 ДЕКАБРЯ).

Расскажу вам о событиях вчерашней ночи.

Вчера из Спецприемника N1 освобождали последних активистов и сторонников оппозиции, арестованных 5 декабря после митинга на Чистых прудах. Нас с Навальным, благодаря решению скандально известной судьи Боровковой, должны были освободить посреди ночи — в 2:30 мск.

Московская полиция обожает все усложнять, и мы понимали, что в связи с нашим освобождением обязательно будут организованы какие-нибудь идиотские

маневры. Именно поэтому вместе с адвокатом заранее написали на имя и.о. начальника Спецприемника Вадима Семенова заявление с требованием освободить нас по месту отбытия административного ареста, а не отвозить в ОВД. Семенов не возражал.

Однако за четыре с половиной часа до освобождения меня вызвали в кабинет начальника. В коридоре был целый отряд полицейских, а в кабинете меня встречал сам Семенов и зам начальника ОВД «Северное Тушино» Андрей Чичеров. Граждане сообщили, что у них письменный приказ начальника ОВД доставить меня к нему в приемную, так как он желает провести со мной профилактическую беседу.

С какой стати я должен посреди ночи ехать беседовать с этим самым начальником, мне не объяснили. Я уточнил, что в законодательстве вообще нет такого термина как «профилактическая беседа». И беседовать с начальником ОВД я готов, только если он вызовет меня повесткой.

Начались уговоры: «пойми нас правильно», «у нас приказ», «это знак уважения со стороны начальника», «я тебе потом оставлю визитку, будешь звонить если что».

Я попросил уточнить Семенова, является ли предложение проследовать в ОВД просьбой или требованием. Помявшись, он сказал, что это просьба. Никакого желания удовлетворять просьбы полицейских у меня не было, и я попросил проводить меня обратно в камеру.

Спустя час Семенов сам явился ко мне в камеру в сопровождении дежурного. Он сообщил, что в результате консультаций мое мнение учтено и меня никуда не повезут насильно. Есть только небольшая формальность: надо пройти в дежурную часть и написать официальный отказ ехать в ОВД.

Вместе с начальником спецприемника я пошел в дежурку. Как был: в спортивном костюме и тапочках. По дороге меня догнали два амбала в полицейской форме, выкрутили руку и потащили на улицу. Я успел что-то крикнуть, но мне ладонью заткнули рот и скрутили шею. Полицейские буквально утрамбовали меня в машину, сев сверху, чтобы я не мог двигаться. Напротив сел улыбающийся Чичеров и сотрудница спецприемника, которые держали в руках мои вещи одежду, собранные в камере.

Поехали.

По дороге клоуны в погонах комично играли в злого и доброго следователя, причем все время путали роли.

Сначала подполковник Чичеров рассказывал, что в его лице я могу найти серьезную поддержку: ему, мол, тоже не нравится коррупция во власти. Но тут же сбивался на пропагандистские штампы: мы знаем, что вам платит Америка, вы провокаторы и хотите расшатать страну.

Забавно, что и сидевшие на мне амбалы активно участвовали в разговоре. Один угрожал, что снимет форму и встретит меня у подъезда: «я знаю, где ты живешь». Второй зачем-то вызубрил мою биографию в википедии и на пару с подполковником рассказывал про политические акции, которые я организовывал, и диплом, который я писал в институте.

— Вы бы лучше бандитов ловили, чем мою биографию изучать, — сказал я и тут же почувствовал дружелюбной тычок печень.

Впрочем, полицейские были настолько увлечены это «профилактической беседой», что не заметили, как я в кармане куртке набрал друзьям по мобильному телефону и по обрывкам фраз они поняли, что меня везут в ОВД «Северное Тушино». Надо было видеть изумленные лица амбалов и подполковника, когда они увидели человек

пятьдесят, встречавших нас у здания ОВД.- Я не понял, на кой-черт мы его сюда везли, если эти все равно приехали? — возмущался сержант. Чуть ранее подполковник Чичеров объяснил мне, что задачей полиции было «сорвать акцию у спецприемника».

В ОВД я провел часа два. Меня просто держали в коридоре, а личный состав заходил на поглазеть. Мало кто понимал, зачем посреди ночи на уши подняли руководство и сотрудников ОВД, чтобы конвоировать какого-то административно задержанного.

В какой-то момент в коридоре появился подвыпивший мужчина в кожаной куртке. Дыхнув на меня перегаром, он с силой наступил мне на ногу и сказал: «Будь осторожней!»

Я в ответ наступил на его ботинок и огрызнулся: «Сам — осторожней!»

— Что это за бес? — спросил я заскучавшего сержанта, провожая взглядом пошатывающегося хама.

— Какой еще бес? — возмутился сержант. — Это начальник нашего ОВД полковник Валентин Григорьевич Вернигор.

В общем, бандиты и жулики Северного Тушина этой ночью могли чувствовать себя вольготно. Вся районная полиция во главе руководством ОВД упражнялись в идиотизме, вместо того чтобы выполнять свою работу.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

12.03.2026 Москва

В Москве пришли с обыском к журналисткам и активистам по делу корреспондентов SOTA

Восемь к одному. Более полутысячи дел по 20.3.3 КоАП прекращены в судах или возвращены полиции

В каждом девятом деле о дискредитации армии судьи встают на сторону граждан.